

счел возможным вырваться из «крымской бутылки» и начать наступательные операции против большевиков.

Конечно, до создания в Крыму «опытного поля», которое должно было продемонстрировать остальной России, что без большевиков возможна нормальная, сытая, цивилизованная жизнь, было далеко. Да и едва ли возможно было в условиях Гражданской войны создать процветающий «остров Крым». К тому же Врангель, будучи человеком своей социальной среды, не смог в своей политике пойти на действительно радикальные реформы, способные удовлетворить основную массу крестьянства. Русская армия по-прежнему имела очень узкую социальную базу. Самостоятельно вести широкомасштабную борьбу с большевиками она не могла. Но начавшаяся советско-польская война дала Врангелю последний шанс на успех. Он, однако, смог воспользоваться им лишь частично, одержав ряд побед в Северной Таврии, но не сумев сокрушить мощь Красной армии.

Прежде чем перейти к описанию последних боев Русской армии под командованием Врангеля, остановимся на том, как взаимоотношения Врангеля и Слащева, важные для развития событий в Крыму, отразились в творчестве Михаила Афанасьевича Булгакова.

ВРАНГЕЛЬ, СЛАЩЕВ И МИХАИЛ БУЛГАКОВ

Соперничество Врангеля и Слащева оказалось существенное, хотя далеко не решающее влияние на судьбу белого Крыма. Оно отразилось и в художественной литературе, и прежде всего — в лучшей пьесе Михаила Булгакова «Бег» о последних днях врангелевского Крыма и первых годах белой эмиграции. Врангель в этой пьесе фигурирует как Белый Главнокомандующий, а Слащев послужил прототипом ее главного героя — Романа Валериановича Хлудова.

Как известно, в эмиграции Слащев окончательно рассорился с Врангелем, которого обвинял в сдаче Крыма, и был уволен из армии без права ношения мундира. Земский союз предоставил ему ферму под Константинополем, где генерал разводил индеек и прочую живность. Однако, в отличие от военного дела, таланта к сельскому хозяйству у генерала не оказалось, доходов он почти не имел и сильно бедствовал со второй женой и дочерью.

Поэтому Яков Александрович готов был иметь дело с кем угодно. В сводке агентурных донесений от 25 ноября 1921 года, составленной в штабе главкома Русской армии уже после

возвращения Слащева в Россию, сообщается, что по прибытии в Константинополь он пытался сблизиться с турецкими военными кругами, стал членом Народно-монархической партии и имел связи с Украинским национальным комитетом.

Председатель Кубанской рады В. И. Иванис в одном из интервью в феврале 1921 года утверждал: «Популярность Слащева среди войск не давала покоя всей клике, окружавшей Врангеля, и она прилагала все усилия убрать его с дороги, не брезгую ничем. Неудача последней Каховской операции (15 тыс. убитых и раненых), инициатором которой явилась Ставка в лице Шатилова, повлекла за собой отзывание Слащева, наименование его Слащевым-Крымским... Была образована специальная медицинская комиссия для освидетельствования здоровья Слащева, которая нашла у него массу самых разнообразных болезней, в силу чего Врангелем было предложено Слащеву переехать в один из заграничных санаториев для лечения и отдыха, причем Министерство финансов должно было озабочиться финансовой стороной этого дела... “Жизнь генерала Слащева-Крымского слишком дорога для России”, — так мотивировал свое решение Врангель. Ответом на это было: “Слащев никуда из Крыма не поедет” — надпись, сделанная Слащевым на бумаге, полученной из Ставки. Слащев — безусловно талантливый генерал, при этом человек, могущий быть очень популярным среди своих подчиненных, вот почему он был нежелателен для других. Некоторые украинские (монархические) круги не прочь видеть в лице Слащева заместителя гетмана Скоропадского...»

Яков Александрович считал Врангеля предателем. Ведь он помог барону прийти к власти, а тот недостаточно отблагодарил его, оставив командиром армейского (не отдельного) корпуса. Вероятно, Слащев рассчитывал на пост командующего всем Крымским фронтом. Ненависть к Врангелю в конечном счете толкнула его на связь с большевиками.

В феврале 1921 года контакт со Слащевым установил уполномоченный ВЧК Я. Тененбаум, проживавший в Константинополе под фамилией Ельский. В мае чекисты перехватили письмо известного журналиста и общественного деятеля Ф. Баткина из Константинополя в Симферополь артисту М. Богданову, где сообщалось, что генерал находится в настолько нищенском состоянии, что склоняется к возвращению на родину. Баткин и Богданов были завербованы чекистами, причем последний был командирован в Константинополь, но, попав в поле зрения врангелевской контрразведки, вернулся обратно. Богданова даже предали революционному суду за халатность. Слащев пытался выговорить себе охранную гра-

моту, гарантирующую личную неприкосновенность и выделение валютных средств его семье, остававшейся в эмиграции, но получил отказ. Да и сам он признавал, что никакая грамота не спасет от мстителя, если таковой объявится (он точно предсказал свою судьбу).

Якову Александровичу были обещаны прощение и работа по специальности — преподавателем тактики. Ф. Баткину удалось тайно посадить генерала с семьей и группой сочувствовавших ему офицеров на итальянский пароход «Жан», который 11 ноября 1921 года прибыл в Севастополь. Здесь Слащев был встречен главой ВЧК Ф. Э. Дзержинским и его личным поездом доставлен в Москву. Сохранилась записка Л. Д. Троцкого В. И. Ленину от 16 ноября 1921 года:

«Главком (С. С. Каменев. — Б. С.) считает Слащева ничтожеством. Я не уверен в правильности этого отзыва. Но бесспорно, что у нас Слащев будет только “беспокойной ненужностью”. Он приспособиться не сможет. Уже находясь в поезде Дзержинского, он хотел дать кому-то “25 шомполов”.

Материалы в региструпе* о Слащеве большие (речь идет о документальных свидетельствах преступлений Слащева. — Б. С.). Наш вежливый ответ (рады будущим работникам) имеет пока что дипломатический характер (Слащев еще собирается тянуть за собой генералов)».

В дальнейшем Слащев преподавал тактику комсоставу Красной армии на курсах «Выстрел»**. Он так объяснил свой поступок: «Не будучи сам не только коммунистом, но даже социалистом, я отношусь к советской власти как к правительству, представляющему мою родину и интересы моего народа. Оно побеждает все нарождающиеся против нее движения, следовательно, удовлетворяет требованиям большинства. Как военный, ни в одной партии не состою, но хочу служить своему народу, с чистым сердцем подчиняюсь выдвинутому им правительству». (Здесь бывший генерал не был оригинален. Сменовеховец А. Бобрищев-Пушкин высказывался еще более откровенно: «Советская власть при всех ее дефектах — максимум власти, могущей быть в России, пережившей кризис ре-

* Региструп — Регистрационное управление Полевого штаба Реввоенсовета Республики. С января 1919 года ему была подчинена агентура штабов фронтов и армий. В Положении от 19 июня 1919 года Региструп определялся как «центральный орган тайной агентурной разведки». (Прим. ред.)

** Высшая стрелковая школа командного состава была учреждена приказом Реввоенсовета 21 ноября 1918 года, в 1923-м получила название Высшей тактическо-стрелковой школы командного состава РККА имени Коминтерна «Выстрел». Я. А. Слащев преподавал там с июня 1922 года по 11 января 1929-го. (Прим. ред.)

вовлекли. Другой власти быть не может — никто ни с чем не справится, все перегрызутся».)

Булгаков не разделял иллюзий сменовеховцев и никаких достоинств у советской власти не находил. Он прекрасно понимал, что большевики согласились принять Слащева только с целью разложить эмиграцию и спровоцировать исход на родину части военнослужащих белых армий: если такого палача, как Слащев, прощают, то остальным бояться нечего. Автор «Бега» читал книги генерала — не только выпущенную еще в опале, в 1921 году в Константинополе, «Требую суда общества и гласности», подписанную «Генерал Я. А. Слащев-Крымский», но и вышедшую в Москве в 1924 году «Крым в 1920 г.», предисловие к которой написал Дмитрий Фурманов.

Михаил Афанасьевич был знаком и с мемуарами крымского земского деятеля В. А. Оболенского «Крым при Деникине» и «Крым при Врангеле», опубликованными в Берлине в 1924 году. Там, например, есть описание Слащева:

«Это был высокий молодой человек, с бритым болезненным лицом, редеющими белобрысыми волосами и нервной улыбкой, открывающей ряд не совсем чистых зубов. Он всё время как-то странно дергался, сидя, постоянно менял положения, и, стоя, как-то развинченно вихлялся на поджарых ногах. Не знаю, было ли это последствием ранений или потребления кокаина. Костюм у него был удивительный — военный, но как будто собственного изобретения: красные штаны, светло-голубая куртка гусарского покроя. Всё ярко и кричаще-безвкусно. В его жестикуляции и интонациях речи чувствовалась деланость и позерство».

Это описание явно было использовано Булгаковым. Сравним с ним ремарку с портретом главного персонажа «Бега»:

«На высоком табурете сидит Роман Валерианович Хлудов. Человек этот лицом бел как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем плохая солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабы, не то как помещики подпоясывают шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия. Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит на них сам же отвечать. Когда он хочет изобразить улыбку — скалится. Он возбуждает страх. Он болен — Роман Валерианович».

Здесь к нарисованному Оболенским портрету Слащева добавлен ряд черт Н. П. Хмелева — актера, для которого писалась роль. Тот действительно был курнос и имел черные волосы с «неразрушимым офицерским пробором», запомнившимся зрителям по его исполнению Алексея Турбина в «Днях Турбинах». Уточнение, что Хлудов курнос, «как Павел», должно было вызвать ассоциацию с императором Павлом I, удавленным заговорщиками, и, соответственно, со стремлением Хлудова выиграть войну удавками. Костюм Хлудова — полная противоположность опереточному одеянию Слащева (в пьесе по-гусарски одет другой палач — полковник де Бризар). У булгаковского героя в одежде подчеркивается небрежность, ветхость, грязь, что символизирует белую идею, находящуюся накануне гибели. Солдатская шинель, заменившая цветастый костюм Слащева, как бы сразу придавала Хлудову такой вид, в каком он должен был предстать в Константинополе после увольнения из армии без права ношения мундира (хотя в Константинополе генерал по воле драматурга переодевается в штатское).

Оболенский относился к генералу без симпатий — у того была стойкая и справедливая репутация палача, а потом и изменника, перешедшего на сторону большевиков. Да и не менее стойкая приверженность его к алкоголю и кокаину, о которой он сам вполне откровенно упоминал в одном из рапортов Врангелю, симпатий у окружающих не вызывала. Но в булгаковской портретной ремарке отношение к генералу Хлудову нейтральное, а по поводу его болезни — даже сочувственное.

Бывшего черносотенца Бобрищева-Пушкина, ставшего лояльным к Советам, Булгаков выставил (запись в дневнике 24 декабря 1924 года) беспринципным приспособленцем: «Старый, убежденный погромщик, антисемит, пишет хвалебную книжку о Володарском (большевистском комиссаре по делам печати, пропаганды и агитации в Петрограде. — Б. С.), называя его “защитником свободы печати”. Немеет человеческий ум». Вряд ли к Слащеву он относился принципиально иначе, тем более что был знаком с мнением Оболенского о том, почему генерал «сменил вехи»: «Слащев — жертва гражданской войны. Из этого от природы неглупого, способного, хотя и малокультурного человека она сделала беспардонного авантюриста. Подражая не то Суворову, не то Наполеону, он мечтал об известности и славе. Кокаин, которым он себя дурманил, поддерживал безумные мечты. И вдруг генерал Слащев-Крымский разводит индюшек в Константинополе на ссуду, полученную от Земского союза. А дальше?.. Здесь... за

границей, его авантюризму и ненасытному честолюбию негде было разыграться. Предстояла долгая трудовая жизнь до тех пор, когда можно будет скромным и забытым вернуться на родину. А там, у большевиков, все-таки есть шанс выдвинуться если не в Наполеоны, то в Суворовы. И Слащев отправился в Москву, готовый в случае нужды проливать “белую” кровь в таком же количестве, в каком он проливал “красную”».

Фурманов в предисловии к книге «Крым в 1920 г.» привел слова самого Слащева, отражающие мучительный для генерала перелом: «Много пролито крови... Много тяжких ошибок совершено. Неизмеримо велика моя историческая вина перед рабоче-крестьянской Россией. Это знаю, очень знаю. Понимаю и вижу ясно. Но если в годину тяжких испытаний снова придется рабочему государству вынуть меч — я клянусь, что пойду в первых рядах и кровью своей докажу, что мои новые мысли и взгляды и вера в победу рабочего класса — не игрушка, а твердое, глубокое убеждение».

В мемуарах Слащев всячески отрицал свою причастность к расстрелам, возлагая вину на контрразведку (будто не было популярной в годы Гражданской войны частушки: «От расстрелов идет дым, то Слащев спасает Крым»). Свой же переход к большевикам бывший генерал обосновывал исключительно патриотическими мотивами: «...В моем сознании иногда мелькали мысли о том, что не большинство ли русского народа на стороне большевиков, ведь невозможно, что они и теперь торжествуют благодаря лишь немцам, китайцам и т. п., и не предали ли мы родину союзникам... Это было ужасное время, когда я не мог сказать твердо и прямо своим подчиненным, за что я борюсь». Этим Слащев объяснял и свой рапорт об отставке, не принятый Врангелем. Скорее можно предположить, что Яков Александрович не желал служить под начальством Врангеля, с которым только вел скрытую борьбу за главенство над Белым движением в Крыму. Слащев ведь считал себя «спасителем Крыма» и полагал, что Врангель его заслуги недооценивает и всячески его задвигает.

Слащев утверждал в мемуарах: «Я принужден был остаться и продолжать нравственно метаться, не имея права высказывать своих сомнений и не зная, на чем остановиться. Подчеркиваю: с сущностью борьбы классов я не был знаком и продолжал наивно мечтать о воле и пользе всего внеклассового общества, где ни один класс не эксплуатирует других. Это было не колебание, но политическая безграмотность».

Для него «уже не было сомнений, что безыдейная борьба продолжается под командой лиц, не заслуживающих никакого доверия, и, главное, под диктовку иностранцев, т. е. фран-

цузов, которые теперь вместо немцев желают овладеть отечеством»: «Кто же мы тогда? На этот вопрос не хотелось отвечать даже самому себе».

В своей книге свежеиспеченный красный командир пытался уверить публику, что прозрел, проникнувшись не только убеждением в предательстве Белого движения союзниками, отстаивавшими свои интересы, но и верой в правильность марксистского учения. В связи с этим Фурманов в предисловии оправдывал издание слащевских мемуаров тем, что книга «свежа, откровенна, поучительна» (хотя сам бывший комиссар Чапаевской дивизии, сражавшийся с врангелевцами на Кубани, в коммунистическое прозрение генерала вряд ли верил). А открывалось фурмановское предисловие сухой, но, наверное, справедливой характеристикой мемуариста: «Слащев-вешатель, Слащев-палач: этими черными штемпелями припечатала его имя история... Перед “подвигами” его, видимо, бледнеют зверства Кутепова, Шатилова, да и самого Врангеля — всех сподвижников Слащева по крымской борьбе». Таким Булгаков сделал и своего Хлудова.

Как мы смогли убедиться, не тени повешенных и не муки совести привели Слащева к возвращению на родину. Если в чем он и раскаивался, то только в том, что с самого начала оказался в рядах проигравших белых, а не победивших красных. Но в «Беге» Хлудов, в отличие от его прототипа, представлен не жестоким авантюристом, а идейным вдохновителем, глубоко убежденным в правоте Белого дела (именно как вождя Белого движения обвиняет его в finale пьесы генерал Чарнота). К раскаянию же и возвращению на родину он приходит через муки совести, в них — истинный характер его болезни: образ бесчисленных повешенных на фонарных столбах преследует генерала на протяжении всей пьесы. Его совесть материализуется не в абстрактные сотни и тысячи жертв, а в одного несправедливо казненного — вестового Крапилина. Конкретна жертва — конкретна и вина. Правда, в решение Хлудова вернуться в Россию драматург привносит и слащевские расчеты. На вопрос: «Где Крапилин... За что погубил вестового?..» — Хлудов отвечал почти так же, как Слащев в мемуарах: «Жестоко, жестоко вы говорите мне! (Оскалившись, оборачивается.) Я знаю, где он... Но только мы с ним помирились... помирились...» В этих словах — явный намек на предварительную договоренность Хлудова с кем-то о возвращении на родину. Так же точно Слащев сначала вступил в контакт с чекистами, выговорил себе и жене амнистию, скрывал отъезд от врангелевской контрразведки. Может, из-за этого расчета и не совсем еще оставила Хлудова болезнь — нечистая совесть,

и рано думает он, что помирился с Крапилиным. Тот же Чарнота, услышав от Хлудова о его предстоящем возвращении («Сегодня ночью пойдет с казаками пароход, и я поеду с ними. Только молчите»), догадывается об этом и говорит генералу: «Постой, постой, постой! только сейчас сообразил! Куда? Домой? Нет! Что? У тебя, Генерального штаба генерал-лейтенанта, может быть, новый хитрый план созрел? Но только на сей раз ты просчитаешься. Проживешь ты, Рома, ровно столько, сколько потребуется тебя с поезда снять и довести до ближайшей стенки, да и то под строжайшим караулом». Словами Чарноты Булгаков уже тогда, в 1928 году, предсказал печальный конец реального Слащева, правда, отсроченный на семь с лишним лет. Яков Александрович, кстати сказать, после возвращения трудился также и сексотом (осведомителем) ОГПУ*, регулярно информируя чекистов о визитах к нему товарищей по Белому движению и о настроениях среди бывших офицеров, с которыми общался.

И всё же главное в образе Хлудова — это душевые терзания, муки совести за совершённые преступления, за жестокость. Искупление же грехов возможно только после возвращения в Россию, где нужно держать ответ за содеянное. Хлудов — один из сильнейших в мировой драматургии образов кающегося грешника, убийцы, убивавшего ради идеи (тут у зрителей могли возникнуть ассоциации не с одним только Белым движением). По всей видимости, во многом Булгаков передал своему герою и собственные муки совести, только, конечно, связанные не с убийством невиновных, а с тем, что он такие убийства наблюдал и бессилен был предотвратить.

Одннадцатого января 1929 года Слащев был застрелен курсантом «Выстрела» Л. Л. Коленбергом, мстившим за брата, казненного по приказу генерала. Вот заключение сотрудника контрразведывательного отдела ОГПУ:

«1929 года, июня 26 дня, я, уполномоченный 6-го отделения КРО ОГПУ, рассмотрев дело за № 77170 по обвинению гражданина Коленберга Лазаря Львовича в преступлениях, предусмотренных 138 с. УК, находящегося на свободе, нашел:

Гражданин Коленберг Лазарь Львович, 1905 года рождения, из мещан г. Николаева, 11 сего января убил бывшего белого генерала Якова Александровича Слащева выстрелом из револьвера на его квартире...

* После ликвидации 6 февраля 1922 года ВЧК ее преемником стало Государственное политическое управление (ГПУ), с 15 ноября 1923 года — Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при Наркомате внутренних дел, руководившее органами милиции и госбезопасности. (Прим. ред.)

Следствием установлено, что Л. Коленберг в 1919 году... работал в Николаеве в большевистском подполье. Проводимые белыми жестокие репрессии и бесчинства по отношению еврейского населения, публичные расстрелы заподозренных в причастности и даже сочувствующих революционному движению, расстрел родного брата Коленберга — всё это произвело на него глубокое впечатление, и у него запала навязчивая идея мести командовавшему белыми генералу Слащеву... В сентябре 1928 г. по командировке Винницкого военкомата он поступил в Московскую пехотную школу им. Ашенбренера и Уншлихта. Коленберг приехал в Москву с целью убийства Слащева... С целью изучения образа жизни Слащева Коленберг стал брат у него на дому уроки тактики. 11 сего января, во время урока Коленберг осуществил убийство Слащева, убив его из револьвера тремя выстрелами...

Произведенной психиатрической экспертизой Коленберг признан психически неполноценным и в момент совершения им преступления — невменяемым, а посему постановил: На основании ст. 322 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР дело в отношении Коленберга прекратить и сдать в архив.

Уполномоченный 6 отд. КРО ОГПУ Гурский».

Не исключено, что ОГПУ помогло мстителю найти свою жертву, поскольку уже через год, в 1930-м, чекистами была проведена операция под кодовым названием «Весна», в ходе которой было арестовано около пяти тысяч бывших царских и белых офицеров, служивших в Красной армии. Слащева, в связи с поднятым вокруг его имени шумом, было бы неудобно арестовать или отставить от службы. Поэтому, возможно, ОГПУ решило избавиться от него другим способом — убрать руками Коленberга.

Между прочим, ОГПУ пыталось обвинить Слащева в антисоветской агитации, но на регулярных попойках со слушателями у него на квартире все так быстро напивались до невменяемого состояния, что об антисоветских разговорах и речи не было. Чекисты хотели даже приписать Слащеву сознательное спаивание красных командиров, но эта затея показалась уж слишком фарсовой.

Сослуживец Слащева по «Выстрелу», бывший полковник императорской армии С. Д. Харlamов, в Гражданскую войну сражавшийся на стороне красных, после ареста в 1931 году дал показания о последних годах жизни Якова Александровича:

«И сам Слащев, и его жена очень много пили. Кроме того, он был морфинист или кокайнист. Пил он и в компании, пил и без компании.

Каждый, кто хотел выпить, знал, что надо идти к Слащеву,

там ему дадут выпить. Выпивка была главной притягательной силой во всех попойках у Слащева. На меня не производило впечатления, что вечеринки устраиваются с политической целью: уж больно много водки там выпивалось.

Я бывал на квартире у Слащева 2—3 раза не специально по приглашению на вечеринку, а или по делу, или по настойчивому приглашению зайти на минутку. И так как водку там пили чаще, чем обычно мы пьем чай, то бывала и водка.

Жена Слащева принимала участие в драмкружке “Выстрела”. Кружок ставил постановки. Участниками были и слушатели, и постоянный состав. Иногда после постановки часть этого драмкружка со слушателями-участниками отправлялась на квартиру Слащева и там пьянствовала. На такое спаивание слушателей командованием курсов было обращено внимание и запрещено было собираться со слушателями.

Что за разговоры велись там на политическую тему — сказать не могу. Знаю только, что часто критиковали меня как начальника отдела и кое-кого из преподавателей тактики... Ко мне Слащев чувствовал некоторую неприязнь и иногда подпускал по моему адресу шпильки.

Последнее время при своей жизни он усиленно стремился получить обещанный ему корпус. Каждый год исписывал гору бумаг об этом. Помню, раз даже начал продавать свои вещи, говоря, что получает назначение начальником штаба Троцкого сбora. Никаких, конечно, назначений ему не давали. Но каждый раз после подачи рапорта он серьезно готовился к отъезду».

Известно, что в драмкружке при «Выстреле» ставили «Дни Турбинных» и пару раз Булгаков бывал на спектаклях. Но до сих пор неизвестно, встречались ли Булгаков и Слащев и знал ли генерал о существовании «Бега». По утверждению Л. Е. Белозерской, Булгаков лично со Слащевым знаком не был, она же в свое время встречалась в Петрограде с матерью генерала, Верой Александровной, и запомнила «мадам Слащеву» как женщину властную и решительную.

В целом же жизнь Слащева в СССР не сложилась. Командование крупными соединениями ему не доверяли, а преподавание было явно не тем видом деятельности, о котором он мечтал. Отсюда — тоска, ощущение собственной ненужности (Троцкий точно предсказал его судьбу), постоянные запои, прерванные пулей то ли безрассудного мстителя, то ли человека, направленного железной рукой ОГПУ.

В 1929 году посмертно была издана книга Слащева «Мысли по вопросам общей тактики: из личного опыта и наблюдений». Ее заключительная фраза очень точно выразила военное да и жизненное кредо автора: «В бою держитесь твердо своего

принятого решения — пусть оно будет хуже другого, но, настойчиво проведенное в жизнь, оно даст победу, колебания же приведут к поражению».

Булгаковский Хлудов еще расстреливал и вешал, но по инерции, ибо всё больше задумывался над тем, что народная любовь — не с белыми, а без нее не одержать победы в Гражданской войне. Ненависть к союзникам Хлудов вымешивает, сжигая «экспортный пушной товар», чтобы «заграничным шлюхам собольих манжет не видать». Главнокомандующего, в котором легко угадывается прототип — Врангель, генерал-вешатель ненавидит, поскольку тот вовлек его в заведомо обреченнную на проигрыш борьбу. Хлудов бросает главкому в лицо страшное: «Кто бы вешал, вешал бы кто, ваше высокопревосходительство?» Но в отличие от Слащева, который в мемуарах так и не покаялся ни за одну конкретную свою жертву, Булгаков заставил своего героя совершить последнее преступление — повесить «красноречивого» вестового Крапилина, который потом призраком настигает палача и пробуждает у него совесть. Слащев утверждал, что подписал смертные приговоры только 105 осужденным, виновным в различных преступлениях, но Булгаков еще в «Красной короне» заставил главного героя напомнить генералу, скольких тот отправил на смерть «по словесному приказу без номера». Писатель хорошо знал, сколь распространены были у белых и красных такие приказы. Конечно, Булгаков не мог знать об эпизоде с двадцатью пятью шомполами из цитированного выше письма Троцкого, хотя поразительно точно показал в «Белой гвардии», что шомпола в качестве универсального средства общения с населением использовали и красные, и белые, и петлюровцы. Однако автор не верил в раскаяние Слащева, и его Хлудову не удается опровергнуть обвинений Крапилина: «...Одними удавками войны не выиграешь!.. Стервятиной питаешься?.. Храбер ты только женщин вешать и слесарей!» Хлудовские оправдания, что он «на Чонгарскую гать ходил с музыкой» и был дважды ранен (Слащев, дважды раненный на Гражданской войне, в том числе один раз на Чонгарской гати, сам под музыку водил туда юнкеров), вызывают только крапилинское: «Да все губернии плюют на твою музыку и на твои раны». Здесь в народной форме переиначена часто повторявшаяся Врангелем и его окружением мысль, что одна губерния (Крым) сорок девять губерний (остальную Россию) победить не может. Смалодушничавшего после этого страстного обличения вестового Хлудов вешает, но потом Булгаков дарует своему персонажу, в отличие от его прототипа, мучительное и тяжкое, болезненное и нервное раскаяние.

Болезненное состояние Слащева Оболенский, как и другие мемуаристы, объяснял злоупотреблением кокаином и спиртным — генерал являл собой редчайшее сочетание алкоголика и наркомана в одном лице. Этих обвинений, как мы помним, не отрицал и сам Яков Александрович. Булгаков болезнь своего Хлудова свел прежде всего к мукам совести за совершённые преступления и участие в движении, на стороне которого нет правды.

Мемуарист испытывал к былому гонителю смешанные чувства жалости, сочувствия, презрения и осуждения за переход к большевикам (именно Оболенский посодействовал Слащеву в приобретении фермы, на которой так и не заладилась у бывшего генерала трудовая жизнь). Оболенский привел комический рассказ, как один бывший крымский меньшевик, которого Слащев чуть не повесил, встретил в Москве, перейдя уже в большевистскую партию и работая в советском учреждении, красного командира «товарища» Слащева и как они мирно вспоминали прошлое. Может быть, отсюда в «Беге» родилась юмористическая реплика Чарноты, что он бы на день записался к большевикам, только чтобы расправиться с Корзухиным, а потом тут же «выписался». Булгаков наверняка запомнил приведенные Фурмановым слова Слащева о готовности сражаться в рядах Красной армии, подтверждавшие мысль Оболенского, и вряд ли сомневался в том, что причины возвращения бывшего генерала лежали в карьерной и житейской плоскостях, а не духовной и мировоззренческой.

Булгаков также был знаком с книгой бывшего главы отдела печати в крымском правительстве Г. В. Немировича-Данченко «В Крыму при Врангеле. Факты и итоги», вышедшей в Берлине в 1922 году. В ней, в частности, отмечалось: «Фронт держался благодаря мужеству горстки юнкеров и личной отваге такого азартного игрока, каким был ген. Слащев». А журналист Г. Н. Раковский писал: «Слащев, в сущности, был самоличным диктатором Крыма и самовластно распоряжался как на фронте, так и в тылу... Местная общественность была загнана им в подполье, съежились рабочие, лишь “осважные” круги слагали популярному в войсках генералу восторженные дифирамбы. Весьма энергично боролся Слащев с большевиками не только на фронте, но и в тылу. Военно-полевой суд и расстрел — вот наказание, которое чаще всего применялось к большевикам и им сочувствующим».

Фигура Слащева оказалась настолько яркой, противоречивой, богатой самыми разными красками, что в «Беге» она послужила прототипом не только генерала Хлудова, но и двух других персонажей, представляющих белый лагерь, — кубан-

ского казачьего генерала Григория Лукьяновича Чарноты («потомка запорожцев») и гусарского полковника маркиза де Бризара. Своей фамилией и титулом последний обязан, вероятно, еще двум историческим личностям. По словам Булгакова, актеру, играющему его, «не нужно бояться дать Бризару эпитеты: вешатель и убийца». У этого героя проявляются садистские наклонности, а в результате ранения в голову он несколько повредился в уме. Маркиз де Бризар заставляет вспомнить о знаменитом писателе маркизе (графе) Донасьене Альфонсе Франсуа де Саде, от имени которого произошло само слово «садизм». Еще одним прототипом де Бризара был обрусевший француз — маркиз, а потом граф дю Шайля, редактор газеты Донской армии «Донской вестник», историю которого мы уже знаем. Г. В. Немирович-Данченко писал о нем в книге «В Крыму при Врангеле»: «Дю-Шайл — типичнейший авантюрист Гражданской войны. По вероисповеданию католик, граф дю-Шайл, в бытность свою до революции в Петрограде, сумел войти в доверие некоторых высших представителей нашей церковной иерархии своим желанием перейти в православие. Ему оказывал особое покровительствоober-прокурор Синода В. К. Саблер, и им забавлялись как заморским титулованным гостем, слывшим в наших лаврах и подворьях за масоноведа и знатока сионских тайн. Потом из масоноведа и церковника он сделался апологетом казачьей самостоятельности».

Раковский также подробно пишет о том, как придерживавшийся эсеровских взглядов дю Шайля по приказу Врангеля был арестован в Крыму вместе с командованием Донской армии — генералами В. И. Сидориным и А. К. Келчевским — по обвинению в казачьем сепаратизме. Граф пытался застрелиться, ранил себя в грудь, был помещен в госпиталь, в конце концов оправдан судом и эмигрировал. Булгаков, наоборот, сделал своего де Бризара закоренелым монархистом, а близость дю Шайля к православным иерархам спародировал довольно оригинально: де Бризар сперва собирается расправиться с архиепископом Африканом, приняв его за большевика, и лишь потом, признав в нем иерарха, приносит свои извинения. Булгаковский маркиз тоже оказывается ранен — но в голову и, повредившись в рассудке, ошарашиивает главнокомандующего монархическим бредом: «Как бы я был счастлив, если бы в случае нашей победы вы — единственно достойный носить царский венец — приняли его в Кремле! Я стал бы во фронт вашему императорскому величеству!» Тут — пародия на настроения, преобладавшие у части крымской публики, о которых Раковский писал: «Усиленно распускаются слухи, что в

Крым прибывает, дабы вступить на русский престол, великий князь Михаил Александрович. Одновременно с этим ведется пропаганда в том смысле, чтобы короновали “наиболее достойного”. А таким “достойным” и является “болярин Петр” (то есть Врангель. — Б. С.)».

У де Бризара от дю Шайля — французская фамилия, громкий титул и тяжелое ранение в голову, от Слащева — роскошный гусарский костюм и казнелюбие, а также помутнение рассудка (оно есть и у Хлудова, но у маркиза оно является следствием ранения, а не развоения личности и мук совести).

У Чарноты от Слащева — кубанское прошлое (Булгаков учел, что тот командовал сначала кубанскими частями) и походная жена Люська, прототипом которой послужила вторая жена Слащева — «казачок Варинька», «ординарец Нечволовдов», сопровождавшая его во всех боях и походах, дважды раненная и не раз спасавшая мужу жизнь. Некоторые мемуаристы называют ее Лидкой, хотя на самом деле вторую жену Слащева звали Ниной Николаевной. У Слащева же Булгаков позаимствовал для Чарноты также качества азартного игрока в сочетании с военными способностями и склонностью к пьянству (притом что Хлудов не пьет). Судьба Григория Лукьяновича — это вариант судьбы Слащева, рассказанный Оболенским, тот вариант, который реализовался бы, останься генерал в эмиграции простым фермером. Тогда Слащев мог бы надеяться только на случайную удачу в игре да на возвращение в Россию через много лет, если о нем там забудут.

По свидетельству Оболенского, люди, до революции знавшие Слащева как тихого, вдумчивого офицера, поражались перемене, произведенной Гражданской войной, превратившей его в жестокого палача. Так и в «Беге» при первой встрече с Хлудовым ранее знакомый с ним Чарнота был поражен проявившейся в нем жестокостью.

В момент взятия красными Перекопа Слащев был уже не у дел. После прорыва линии обороны он выехал на фронт, но никакого назначения не получил. Булгаковский же герой командует фронтом и фактически выполняет ряд функций, в реальности осуществлявшихся генералом А. П. Кутеповым, который руководил обороной Перекопа. Например, именно Хлудов приказывает, к каким портам следовать соединениям для эвакуации. В книгах Слащева не упоминается об этом приказе, отданном самим Врангелем, но он есть, в частности, в вышедшем в конце 1920 года в Константинополе сборнике «Последние дни Крыма». В то же время Булгаков заставляет Хлудова критиковать главнокомандующего почти в тех же выражениях, какими Слащев в книге «Крым в 1920 г.» критико-

вал Врангеля. Так, слова Хлудова «Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал... Это не шахматы и не незабвенное Царское Село...» восходят к слащевскому утверждению об ошибочности решения Врангеля начать переброску частей между Чонгаром и Перекопом накануне советского наступления: «...Началась рокировка (хорошо она проходит только в шахматах). Красные же не захотели изображать обозначенного противника и атаковали перешейки». Уместно также привести здесь характеристику, которую Г. В. Немирович-Данченко дает главному противнику Врангеля — красному командующему фронтом: «И несмотря на то, что первоклассному стратегу и тактику, храброму и решительному солдату генералу Врангелю был противоставлен какой-то выходец из недр коммунистической партии Фрунзе, имевший в прошлом, как добный коммунист, гораздо больше уголовных дел, чем выигранных баталий, — Фрунзе победил Врангеля, и победил с оружием в руках»..

Фраза «К воде поближе?», брошенная Хлудовым главнокомандующему по поводу намерения последнего переехать в гостиницу «Кист», а оттуда на корабль, перекликается со злым намеком на трусость главкома в слащевской книге «Крым в 1920 г.»: «Эвакуация протекала в кошмарной обстановке беспорядка и паники. Врангель первым показал пример этому, переехал из своего дома в гостиницу “Кист” у самой Графской пристани, чтобы иметь возможность быстро сесть на пароход, что он скоро и сделал, начав крейсировать по портам под видом проверки эвакуации. Проверки с судна, конечно, он никакой сделать не мог, но зато был в полной сохранности, к этому только он и стремился».

В позднейших редакциях «Бега» Хлудов говорил о возвращении в Россию иронически-иноскказательно как о предстоящей поездке на лечение в германский санаторий, маскируя свое намерение свести счеты с жизнью. (Точно так же Свидригайлов в «Преступлении и наказании» о будущем самоубийстве говорит как о путешествии в Америку.) Но упоминание германского санатория возникло тоже не случайно. Здесь имелась в виду рассказанная Слащевым в мемуарах история, как он отказался от предложения Врангеля поехать лечиться в санаторий в Германии, не желая тратить на свою персону дефицитную валюту.

В качестве антипода Хлудову (Слащеву) Булгаков дал сниженный, карикатурный образ Главнокомандующего (Врангеля). Правда, в первой редакции пьесы тот характеризовался не так уж плохо. Вот его портрет в ремарке: «В двери вырастает Главнокомандующий. Он в заломленной на затылок кавказ-

ской папахе, в шинели до пят, с кавказской шашкой, генерал-лейтенантских погонах, в перчатках с раструбами, очень худ. На лице у него усталость, храбрость, хитрость, тревога». В последующих редакциях по цензурным соображениям последняя фраза была снята. Кстати, в архиве Булгакова сохранилась вырезанная из журнала фотография похорон Врангеля.

Обращенные к Главнокомандующему слова архиепископа Африкана, прототипом которого был глава духовенства Русской армии епископ Севастопольский Вениамин: «Дерзай, славный генерал, с тобою свет и держава, победа и утверждение, дерзай, ибо ты Петр, что значит камень», — имеют своим источником воспоминания Г. Н. Раковского. Тот отмечал, что «представители воинствующего черносотенного духовенства с епископом Вениамином, который деятельно поддерживал Врангеля еще тогда, когда он вел борьбу с Деникиным», с церковных кафедр «прославляли Петра Врангеля, сравнивая его не только с Петром Великим, но даже и с апостолом Петром. Он явится, мол, тем камнем, на котором будет построен фундамент новой России». Обращение же к Африкану самого Главнокомандующего: «Ваше преосвященство, западно-европейскими державами покинутые, коварными поляками обманутые, в самый страшный час на милосердие Божие упова-ем» — пародирует последний приказ Врангеля, отданный при уходе из Крыма: «Оставленная всем миром, обескровленная армия, боровшаяся не только за наше русское дело, но и за дело всего мира, — оставляет родную землю. Мы идем на чужбину, идем не как нищие с протянутой рукой, а с высоко поднятой головой, в сознании исполненного долга». Нищета, постигшая в Константинополе Хлудова, Чарноту, Люську, Серафиму, Голубкова и других эмигрантов в «Беге», показывает всю фальшивость врангелевских высокопарных слов.

Почему вдруг в булгаковской пьесе крымский архиепископ носит редкое имя Африкан? Из книги журналиста-эмигранта Григория Раковского «Конец белых», вышедшей в 1921 году, мы узнаём о происшествии, случившемся с донским атаманом генералом Африканом Петровичем Богаевским в Северной Таврии осенью 1920-го. 1 (14) октября тот был в Мелитополе в гостях у Врангеля, который праздновал годовщину своей свадьбы. Оттуда атаман предполагал отправиться к командиру Донского корпуса на праздник лейб-гвардии Казачьего полка. Посланный им из Мелитополя мотоциклист с запиской, сообщавшей о скором прибытии Богаевского, попал в плен к противнику, делавшему набег. Двигаясь на Мелитополь, красные круто повернули к северу на Токмак, по дороге захватили обоз лейб-казаков с запасами вина и водки для праздника. Один из

сопровождавших обоз офицеров спасся бегством, проскакав 30 верст, и по телефону предупредил об опасности. Атаман, однако, этой телефонограммы вовремя не получил.

Раковский приводит воспоминания самого Богаевского о том, как он уцелел: «Положение наше было отчаянное: на дворе темно, всюду красные, кроме револьверов у нас ничего нет... В этот момент на нас налетели красные кубанцы и начали рубить, кого попало. Ожесточенная стрельба, страшные крики, стоны, вопли... Все сопровождающие меня бросились спасаться. Я оказался один с двумя офицерами, и мы свернули на боковую тропинку... Красные помчались дальше на Орехов». Тот же эпизод приведен и в мемуарах вернувшегося в Россию бывшего прокурора Донской армии Ивана Михайловича Калинина «Под знаменем Врангеля», выпущенных в 1925 году.

Этот эпизод перекочевал в «Бег», превратившись в историю чудесного спасения казачьего генерала Чарноты и архиепископа Африканы, которого драматург наградил именем донского атамана. Африкан рассказывает обрусевшему французу, полковнику маркизу де Бризару: «В Курчулан ездил, благословить Донской корпус, и меня нечестивые пленили во время набега». Знающие читатели могли догадаться, что его преосвященство во время «благословения» собирался на полковом празднике обильно выкушать водки.

Имя и отчество Хлудова — Роман Валерианович — также выбраны не случайно. Здесь присутствует скрытая полемика с рассказом Всеволода Иванова «Операция под Бритчино» (1924), для которого Слащев послужил прототипом главного героя — бывшего командующего белыми армиями на юге России генерал-лейтенанта Валерьяна Митрофановича Сабеева, теперь служащего в Красной армии и делающего доклад в Военно-историческом обществе об одной из своих операций совместно с бывшим своим противником — командармом товарищем Паstryревым. (Кстати сказать, по свидетельствам выпускников школы «Выстрел», во время лекций Слащева часто возникали горячие дискуссии с красными командирами, сражавшимися против генерала в боях Гражданской войны.) У Иванова Сабеев терпит неудачу, потому что в первую очередь при размещении войск руководствуется стремлением защищить свою семью. В результате и бой он проигрывает, и его близкие гибнут. Паstryрев же жертвует жизнями брата и жены и одерживает победу. Булгаков видел всю фальшивь таковой схемы применительно к реальному Слащеву. Поэтому Хлудов в «Беге» спокойно собирается повесить начальника станции и оставить сиротой его малолетних детей. Хлудов не имеет родных и близких, он даже более одинок, чем был его прототип (в пье-

се «походная жена» не у него, а у Чарноты). Автор не сомневался, что ради военных успехов Слащев пожертвовал бы кем угодно, и таким сделал своего Хлудова.

Интересно, что в 1925 году акционерное общество «Пролетарское кино» собиралось делать художественный фильм «Врангель» по сценарию Л. О. Полярного и М. И. Перцовича, причем Слащев был приглашен в качестве военно-технического консультанта, а также исполнителя роли «генерала Слащева-Крымского» (ординарца должна была сыграть его жена). Любопытно, что если во МХАТе предполагавшийся исполнитель роли Хлудова Н. П. Хмелев не обладал портретным сходством с прототипом, то сыгравший эту роль в киноверсии «Бега», снятой в 1970 году режиссерами А. А. Аловым и В. Н. Наумовым, актер Владислав Дворжецкий, случайно или нет, оказался очень похож на Слащева. Дворжецкий создал лучший на сегодня образ Хлудова — более убедительно трагедию больной совести палача не сыграл никто.

КРЫМСКОЕ СИДЕНИЕ: ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД

Слащеву, как мы помним, удалось отстоять Крым в тот период, когда остатки Добровольческого корпуса и Донской армии только приводили себя в порядок и были совершенно небоеспособны. Когда же основные силы Красной армии оказались связаны советско-польской войной, Врангель решил вырваться из Крыма.

Сергей Мамонтов вспоминал:

«После катастрофы Новороссийска генерал Деникин не мог больше оставаться командующим, его сменил генерал Врангель и оказался прекрасным организатором не только в рапортах, а в действительности. В короткий срок из остатков приехавших из Новороссийска он создал сплоченную армию. Провел важные реформы, касающиеся крестьян и земли. Он показал сильную власть. Грабежи в армии почти исчезли, зеленое движение ушло в подполье. Наступил порядок.

Конечно, у нас не было надежд победить большевиков своими силами. Но коммунисты воевали с поляками, и это оттягивало их главные войска. В центральных районах России постоянно возникали крестьянские восстания, особенно сильные около Тамбова. К сожалению, эти восстания происходили, когда наших войск поблизости уже не было, и мы им помочь не могли».

Советский военный историк Н. Е. Какурин так охарактеризовал стратегические замыслы Врангеля: